

ЭЛИТА ТЯГОТИТСЯ СВОИМ ЛИДЕРОМ

Но она даст ему уйти спокойно

Возможность расхождения интересов правящего класса и стремлений его вождя заложена в самой природе нашего политического режима. Авторитарная власть «безальтернативного» президента, который плоть от плоти правящего класса, была необходима нашей элите — это обеспечило возможность проведения обогащающих ее, но разоряющих народ экономических реформ. Однако в авторитаризме есть и другая сторона.

Авторитарный лидер «по определению» ни перед кем не отчитывается и приближает тех, кого хочет, нравятся они элите или нет. С этого начинается постепенное дистанцирование правящего сословия и верховной власти. Обычно оно становится все более заметным в конце авторитарных правлений, когда правитель уже выполнил свою роль — подавил противников элиты, укротил народ, создал для правящих слоев возможность более спокойной и свободной жизни, но продолжает и в новых условиях править по-старому, как привык.

Так было на каждом этапе развития советской элиты. В конце сталинской эпохи, когда партийная номенклатура, пришедшая к власти в результате сталинского террора, уже сама устала от него, а Сталин хотел все новой крови. В конце хрущевского правления, когда эта номенклатура устала от «реформ» и «волюнтаризма». В конце брежневского «застоя», когда она мечтала уже вообще избавиться от партдисциплины и жить не хуже западной элиты. В модифицированной форме это повторяется и сегодня.

Противоречие стремлений элиты и президента четко выявилось уже в момент отставки Черномырдина, служившей исключительно самоутверждению стареющего вождя и нарушившей более или менее спокойное, удовлетворяющее правящий класс течение жизни. Но отставка Примакова и устроенная «семьей» вакханалия вокруг распределения постов-«кормушек» довели это противоречие до еще более высокой отметки. Стало ясно, что эволюция стремлений президента и его близких и эволюция стремлений элиты идут в прямо противоположных направлениях.

Колоссальная популярность Примакова безусловно не случайна, и очень многое говорит о доминирующих сейчас настроениях. Примаков и своими манерами, и своей карьерой олицетворял позднесоветскую респектабельность и связь теперешнего времени и теперешних верхов с брежневской эпохой. Всем своим видом он показывал, что революционная «смута» с ее выскочками и демагогами кончилась, и раз у власти — такие люди, все в порядке, мир не перевернулся и Россия остается Россией. Именно такой премьер и такой президент нужны большинству правящего класса, уже получившему все, что можно, от «демократии» и приватизации.

Как в свое время Брежнев смог сплотить и основную массу номенклатуры, «твердо стоящую на позициях XX и XXII съездов КПСС», и ее брюзжащую часть, недовольную «оплёвыванием» Сталина, так и Примаков в какой-то степени преодолел раскол на «демократов» и «комму-но-патриотов». В громадной мере он удовлетворял бы и теперешние стремления народа, который тоже от всего устал и хочет одного — чтобы платили хоть какую-нибудь зарплату, — уступка, которую

сейчас, во имя стабильности, можно народу сделать и которую Примаков народу обещал.

Но президент перечеркнул эту радужную перспективу. Как для Сталина править значило кого-то расстреливать, а для Хрущева — что-то «реформировать», так для Ельцина это значит кого-то снимать и кого-то назначать. И чем более неожиданно для всех он кого-то снимает и назначает, тем ему приятней — тем больше он ощущает себя живым, деятельным, правящим.

Если элите все более хочется стабильности и покоя, то президент и его окружение, наоборот, все более приходят в состояние нервное и беспокойное. И это также напрямую связано с природой нашей теперешней политической и социальной системы; Бесконтрольная власть президента при капиталистической или «полукапиталистической» экономике — это, помимо всего прочего, возможность бесконтрольного обогащения его и его семьи в масштабах, которые не снились правителям советской эпохи. В этом наша президентская власть ближе не к своим советским предшественникам, а к авторитарным режимам «полукапиталистических» стран третьего мира — Маркоса, Сухарто, Мобуту и т. д. Но это значит, что неизбежный конец практически неминуемо означает для семьи катастрофу. Реакция же людей, ощущающих неумолимое приближение катастрофы, обычно включает два компонента. Во-первых, это — стремление оттянуть неизбежное любой ценой. Во-вторых, попытки извлечь максимум из оставшихся возможностей. При этом чем ближе конец, тем иррациональней и причудливей становится деятельность обуреваемых страхом людей. В мемуарах Коржакова рассказывается, как Наина Иосифовна, переезжая в апартаменты Горбачёвых, больше всего боялась, что Раиса Максимовна заберет новую мебель, оставив вместо нее свою старую, и, несмотря на все возражения, была уверена, что та именно так и поступила. Можно представить себе, что творится в семье сейчас, когда приближается Великий Переезд.

Стремление до предела использовать оставшееся время видно в недавнем распределении министерских постов, в появлении гротескной фигуры первого вице-преьера и чисто фольклорной фигуры «кассира Абрамовича». Стремление во что бы то ни стало не уходить — в разных планах объединения с Белоруссией, которое теоретически может позволить Ельцину не только не уйти, но, обманув судьбу, стать президентом даже более крупного государства. Типично ельцинская акция с вводом в Приш-тину нашего батальона, так напоминающая по авантюрно-обманному стилю начало войны в Чечне, показывает, сколь далеко может завести истерическое состояние, охватывающее «верхнюю власть».

Что думает президент и его близкие, не ведает никто, а что они будут думать завтра, не ведают и они сами. Но одно ясно: чувствующий приближение конца и мечущийся «патриарх» уже не только не нужен правящему слою, но и прямо для него опасен, как он становится опасен для всех, даже для «мирового сообщества». Все от «патриарха» устали. Но похоже, что делать никто ничего не будет. Обсуждаемые в интеллигентских салонах и различных СМИ сценарии переворотов, путчей, введения чрезвычайного положения — всего лишь обычные для нашего травмированного сознания химеры. Чтобы что-то предпринять, нужно идти на риск. Но готовность идти на риск, способность преодолеть естественный страх чужды нашей карьерной номенклатурной элите, лишь однажды свергнувшей своего вождя — Хрущева. Никакой идеологии, никаких серьезных ценностей, которые могли бы помочь преодолеть страх, у нее нет. Не случайно она «проглотила» совершенно спокойно даже изгнание Примакова. Наши депутаты, когда президент отстранил их любимца, утерли плевки и не только не вывели

народ на улицы, как обещал Зюганов, но и не проголосовали за импичмент, не провалили кандидатуру Степашина. Постепенно «рассасывается» и обязательно «рассосется» и скандал со Скуратовым. Дальше, очевидно, наша элита будет возмущаться (раньше возмущались на кухнях, теперь — в печати и по телевидению) или агитировать президента уйти «по-хорошему», как это делает Кириенко, но реально ничего «серьезного» делать не станет, ожидая завершения естественного, биологического процесса, как ждала в свое время аналогичного завершения сталинская элита.

Потом она все равно свое возьмет.